

Пестрые тени и свет играли, сменяя друг друга. Двое мужчин, обнявшись, лежали на кровати, предавшись страсти. Он запрокинул голову, тихо стонал, погружаясь в смесь боли и наслаждения, тело и душу охватил экстаз. Сильное, мускулистое тело над ним двигалось неистово, в грубости сквозила нежность. В поту он поднял шею, и в полумраке увидел, как тот медленно поднял голову. Это было совершенно незнакомое лицо — злое, свирепое, в глазах застыла дикая ненависть. Он впился в него взглядом, а на губах проступила зловещая ухмылка, словно ядовитая змея высунула алый язык, стремительно приближаясь к нему...

Шаобай вскрикнул «ах» и проснулся, оглядываясь вокруг с испугом и растерянностью. Услышав шум, Пиньшу быстро подошел.

— Господин Гу, вы проснулись? Я велел сварить отвар от похмелья, хотите немного?

Увидев Пиньшу, Шаобай немного успокоился, но сердце его все еще бешено колотилось. Что за странный сон ему приснился? Закрыв глаза, он попытался успокоиться, но чувство тревоги медленно поднималось в нем, учащая сердцебиение.

Пиньшу вышел и вскоре вернулся с маленькой голубой фарфоровой чашкой. Шаобай с трудом сел и выпил несколько глотков.

— Где я? Где А-фэн?

Пиньшу взял чашку.

— Это номер в «Башне Чистой Луны». У моего господина возникли срочные дела, ему пришлось уйти, но он скоро вернется. Перед уходом он приказал мне оставаться здесь и прислуживать вам.

Шаобай кивнул, все еще чувствуя слабость в конечностях, и снова лег, укрывшись одеялом. Видимо, он слишком много выпил, голова все еще болела.

Чжоу Фэн поспешно вернулся к заднему входу «Башни Чистой Луны», где Пиньшу уже давно ждал его под крыльцом. Он бросил на него взгляд и направился вверх по лестнице.

— Он проснулся?

— Да.

Уже доходя до поворота лестницы, он услышал за спиной голос Пиньшу:

— Молодой господин...

Чжоу Фэн обернулся и встретился взглядом со слугой.

— Вы... Вы... уверены, что хотите поступить именно так? — голос его слегка дрожал, в глазах читалась глубокая мольба.

Чжоу Фэн отвернулся.

— Я готовился к этому полгода, ради этого дня. Неужели ты хочешь отговорить меня?

Он снова повернулся и ступил на две ступени.

Пиньшу все еще таил надежду.

— Но... но... он невиновен...

Чжоу Фэн замер, затем остановился и закрыл глаза. Отчеканивая каждое слово, он произнес:

— То, что он родился в семье Гу, и есть его вина!

— Ой, смотри-ка, как долго я отсутствовал! — Чжоу Фэн с радостной улыбкой подошел к кровати и обнял Шаобая. — Душа моя, ты заждался?

Шаобай смущенно оттолкнул его.

— Что за чушь, Пиньшу же здесь.

Чжоу Фэн посмотрел на Пиньшу, и в его глазах, скрытых от Шаобая, застыл лишь ледяной холод.

— Ступай!

Пиньшу вздрогнул от этого взгляда, острого, как нож, и понял, что больше не может ничего сказать. С трепетом в душе он опустил голову и удалился.

Шаобай принялся к его одежде.

— Куда ты ходил? От тебя так сильно пахнет вином, хотя я видел, ты почти не пил.

Лицо Чжоу Фэна на мгновение изменилось, но тут же приняло обычное выражение. Он сжал его подбородок пальцами.

— Ты как щенок, все нюхаешь. Думаю, ты учуял не запах вина, а что-то другое.

С этими словами он прикусил его мягкие губы.

Шаобай вздрогнул от неожиданности и попытался оттолкнуть его, но, уступая ему в силе, к тому же конечности после хмеля были ватными, он вскоре перестал бороться, позволяя Чжоу Фэну жадно целовать его. Чжоу Фэн, словно встретивший влагу в засуху, с жадностью сосал его нижнюю губу, пока их рты не наполнились железным привкусом крови. Лишь тогда он заметил, что губа Шаобая опухла и кровоточит — он ее искусал.

В глазах Чжоу Фэна промелькнуло чувство вины. Большим пальцем он стер каплю крови с его губ.

— Больно?

Лицо Шаобай было бледным, но глаза сияли, как звезды. С легкой застенчивостью он слабо улыбнулся:

— Я согласен...

Эта улыбка, полная любви, на мгновение заставила Чжоу Фэна потерять голову. В какой-то момент он даже подумал о том, чтобы остановить свой план.

Но вскоре он решительно отбросил эту мысль.

Нежные руки обвили его шею. Тело Чжоу Фэна уже пылало, как огонь. Кожа Шаобая, гладкая

и холодная, как нефрит, касалась его, и это прикосновение, словно искра, мгновенно разожгло пламя в его груди, испепелив остатки рассудка.

Язык скользил по спине сверху вниз, описывая круги позвонков за позвонком. Волна сладострастного покалывания ударила в сердце. Шаобай не мог справиться с собой, он высоко запрокинул голову, выгнул шею и вырвался тихий стон.

...

Чжоу Фэн, стиснув зубы, продолжал неистовствовать. Сердце разрывалось от боли, но он решительно отправлялся на этот последний пир любви.

Волны наслаждения, смешанного с болью, накатывались одна за другой. Шаобай уткнулся лицом в одеяло, тяжело дыша; ему казалось, что душа покинула тело и теперь носится где-то между небесами и адом, полностью вне его контроля. Ресницы были усеяны мелкими каплями влаги, а перед глазами красный полог искаженно колыхался. В забытьи ему снова привиделось, как тот человек выходит из солнечного света с легкой улыбкой, трогаящей сердце:

— Хорошая мелодия! Прекрасный человек!

Нежное тело было покрыто мелким потом, в свете шелковых фонарей оно переливалось, словно яшма. Остатки опьянения и усталость вместе нападали на его все более затуманенный разум. В финале этого любовного пира Гу Шаобай наконец погрузился в дремоту.

В упоении он не знал дороги назад, лишь теперь осознав, как крепко вино и как тяжела любовь.

Немного нежности, немного меда, но в конечном итоге музыка смолкла, и люди разошлись!

— Хлоп!

Гу Шаобай резко открыл глаза от боли в щеке. Неизвестно за что получил пощечину, голова закружилась, перед глазами все поплыло темным пятном, и долгое время он ничего не мог видеть. Когда зрение наконец прояснилось, он сильно перепугался.

Перед ним стоял Чжоу Фэн, выпучив глаза в ярости. Его лицо исказила свирепость — точь-в-точь как у человека из сна. Шаобай пришел в ужас, не понимая, что происходит. Он сжался под одеялом, боясь пошевелиться, и даже не чувствовал жгучей боли на щеке, куда пришелся удар.

Чжоу Фэн, полуголый, сидел на кровати и в бешенстве закричал:

— Эй, люди!

Снаружи слышался гул и звон брони, и в комнату вломилась с десятков солдат во главе с Пиньшу.

— Вы что, сыты по горло? Кто-то проник ко мне в покои, а вы даже не знали? Какой от вас прок? — в ярости взревел Чжоу Фэн. — Свяжите его!

Пиньшу махнул рукой, и двое солдат подскочили к кровати, рывком подняли Гу Шаобая и, совершенно не заботясь о том, что он был без одежды, стали вязать.

Гу Шаобай, хотя и не понимал причины происходящего, не желал предстать нагим перед всеми, поэтому яростно сопротивлялся и кричал:

— А-фэн, что случилось? Почему ты так со мной?

Чжоу Фэн шагнул с кровати и подошел к нему. Он поднял руку, на мгновение замешкался, но затем со всей дури ударил его снова, заставив голову отвернуться в сторону.

— И ты, дрянь, смеешь называть меня по имени?

Гу Шаобай был оглушен ударом. Долго он не мог прийти в себя. Наконец, он медленно повернул лицо и не отрываясь смотрел на Чжоу Фэна. В его глазах читались лишь растерянность, страх и тревога. Из разбитой губы сочилась кровь.

Чжоу Фэн, встретившись с его испуганным взглядом, дернулся и отвернулся. Хрипло он произнес:

— Голяком стоять — непристойно.

Он подал знак Пиньшу.

Пиньшу понял, схватил белую нижнюю рубашку с кровати и бросил ее на Шаобая. Солдаты небрежно натянули ее на него, заставили встать на колени, скрутили руки за спиной и крепко стянули их веревкой.

В голове Гу Шаобая царил хаос. Все происходящее напоминало страшный сон — нереальный и пугающий. Темные глаза метались, в них плескался страх. На глазах стояли слезы. Прошло много времени, и лишь острая боль в плечах, словно их сейчас сломают, немного вернула ему рассудок.

Дрожащими губами он долго шептал, пока не смог выдавить из зуба три слова:

— По... че... му...

Голос был тихим, но каждое слово отчетливо долетело до ушей Чжоу Фэна. Тот холодно хмыкнул и беззвучно бросил взгляд на Пиньшу.

Пиньшу взглянул на Шаобая с глубоким сожалением, затем повернулся к солдатам и приказал:

— Заткните ему рот.

Солдаты огляделись, не найдя подходящей вещи, просто оторвали полосу от его одежды, скомкали ее и затолкали Шаобая в рот. Боясь, что он выплюнет ее, они взяли остаток веревки, крепко стянули ей рот и завязали узел на затылке.

Лишь тогда Пиньшу опустился на одно колено:

— Князь, простите, раб был неосторожен, и злодей воспользовался моментом.